

© 2008 г.

А.И. БОРОЗНЯК

**"МЕРТВЫЕ БУДУТ ОБВИНЯТЬ ВАС..."
РОМАН Э.М. РЕМАРКА
"ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ"
В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НАЦИЗМА**

Эрих Мария Ремарк (1898–1970) – всемирно признанный писатель, книги которого расходятся громадными тиражами. Его читают и почитают миллионы людей. Роман "Время жить и время умирать", о котором пойдет речь в этой статье, занимает особое место в его творческом наследии и в германской литературе XX в. Это – единственное произведение Ремарка, действие которого происходит в России. Среди сотен названий немецкой военной прозы только во "Времени жить и времени умирать" осью сюжета являются преступления вермахта на оккупированных территориях СССР.

В нашу задачу не входит разбор романа Ремарка с литературоведческой точки зрения. Мы стремимся, во-первых, к рассмотрению причин, побудивших писателя обратиться к указанной тематике; во-вторых, к реконструкции процесса публикации романа и, в-третьих, к анализу его восприятия общественным сознанием ФРГ на протяжении второй половины XX в.

Очерк основан на материалах, предоставленных Центром мира имени Ремарка и архивом Ремарка, которые действуют в Германии в родном городе писателя Оснабрюке (земля Нижняя Саксония). Центр приобрел значительный международный авторитет, всесторонне исследуя творчество Ремарка, осуществляя научное издание его сочинений¹.

Был ли роман прочитан и понят в современной Ремарку Германии? Услышан ли голос писателя в нынешней Федеративной Республике?

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА: ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ
ИЛИ ПРОСТРАНСТВО ЗАБВЕНИЯ?**

Основным содержанием социально-политического развития ФРГ второй половины XX в. явилось извлечение уроков из периода нацистской диктатуры. Но этот процесс не соответствовал законам линейного развития. Он имел "пульсирующий" характер. Только в конце 50-х гг. "преодоление прошлого" постепенно стало осознаться в ФРГ как знак длительного, многопланового общенационального извлечения уроков из истории "третьего рейха", как призыв к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, как понятие-символ, порожденное чувствами стыда и ответственности за преступления гитлеризма.

Конечно же, гитлеровская диктатура после ее военного поражения была дискредитирована, и мало кто ставил под сомнение ее преступную природу. Но, с другой стороны, сознание большинства немцев определялось комплексом амнистии и амнезии. Амнистии преступников (а значит собственного ухода от вины и ответственности). Амнезии по отношению к злодеяниям солдат и офицеров вермахта на оккупированных террито-

Борозняк Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и духовной культуры Липецкого государственного педагогического университета.

¹ Автор выражает искреннюю признательность за помощь и поддержку Центру мира имени Эриха Марии Ремарка, его руководителю профессору Т. Шнайдеру и научной сотруднице Центра К. Глунц.

риях СССР и других стран, к геноциду еврейского населения Германии и Европы. Любая попытка противостоять такой направленности сознания была тогда заранее обречена на неудачу.

Международный Нюрнбергский военный трибунал (вопреки доводам обвинения и особому мнению советского судьи И.Т. Никитченко) не принял решения об объявлении преступными организациями генерального штаба и верховного командования вермахта. Правда, в приговоре содержался тезис о том, что "эти люди должны быть преданы суду, чтобы те из них, которые повинны в совершении этих преступлений, не избежали кары"². Но этого как раз и не произошло. В начале 50-х гг. юридическое преследование военных преступников было в ФРГ фактически прекращено. Если в 1949 г. западногерманские суды вынесли 1523 приговора по делам о нацистских злодеяниях, а в 1950 г. – 809, то в 1955 г. их число снизилось до 21³. Сам термин "нацистские и военные преступники", общепринятый после Нюрнберга, официально заменили на невнятный эвфемизм "осужденные в связи с войной" (Kriegsverurteilte).

Канцлер ФРГ К. Аденауэр утверждал, выступая в бундестаге 5 апреля 1951 г.: "Среди военнослужащих число тех, кто действительно виновен, столь невелико, столь незначительно, что это не наносит какого-либо ущерба чести бывшего вермахта"⁴. В записке, подготовленной в августе 1950 г. по поручению канцлера бывшим генерал-лейтенантом Г. Шпейделем прямо выдвигались требования "помиловать военных преступников, прекратить диффамацию немецких солдат"⁵.

Якорем спасения представлялась идея единоличной ответственности Гитлера, непричастности немецкой правящей элиты к его преступлениям. Этот тезис надолго определил доминанту западногерманского социального сознания. Стратегия самозащиты обеспечивала большинству населения спокойную жизнь и чистую совесть.

Память об агрессии против СССР предельно трудно сопрягалась с проблематикой национальной вины и национальной ответственности. Сформировавшийся стереотип "незапятнанного вермахта" с присущими ему "солдатскими добродетелями" был неразрывно связан с насаждением в общественном мнении ФРГ образа России как "образа врага". Миф о "неполитизированном вермахте", который вел "регулярную", "правильную" войну против "угрозы с Востока" фактически открывал Западной Германии дверь в НАТО, а бывшим нацистским офицерам прокладывал дорогу к командным постам бундесвера.

Война против СССР, резюмирует историк У. Герберт, "была переосмыслена в войну против большевистской угрозы", и таким образом был создан "элемент преемственности между горячей войной против СССР и холодной войной западных демократий против советской империи"⁶.

Непременным компонентом массового чтения 50-х гг. стали серийные выпуски "солдатских историй", большая часть которых повествовала о "войне на Востоке". При этом солдаты и офицеры вермахта представляли благородными и страдающими героями и жертвами, СС и СД – злодеями, творившими грязные дела без ведома армии, а русские – жалкими, но коварными варварами. Предельно быстро раскупались еженедельные выпуски серии "Ландсер" (объем – 66 страниц каждый, цена – 50 пфеннигов, тираж – 60 тыс. экз.). Кроме этого еженедельного издания, издавались и другие военные серии: "Шильд-Хефте", "Марине-Бюхерн" – всего больше 100. Аналогичными по содержанию были приложения к иллюстрированным популярным журналам "Штерн" и "Квик".

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах, т. 7. М., 1961, с. 434.

³ Schildt A. Der Umgang mit der NS-Vergangenheit in der Öffentlichkeit der Nachkriegszeit.-Verwandlungspolitik. NS-Eliten in der westdeutschen Nachkriegsgesellschaft. Frankfurt a. M., 1998, S. 37.

⁴ Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996, S. 77.

⁵ Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft, Bd. 1. München, 1971, S. 152.

⁶ Herbert U., Groeler O. Zweierlei Bewältigung. Vier Beiträge über den Umgang mit der NS-Vergangenheit. Hamburg, 1992, S. 13.

Большими тиражами издавались десятки романов о "войне на Востоке", герои которых сражались за "абендланд". Ни о какой вине за развязывание массовой бойни не было и речи. Типичными примерами хорошо продававшейся литературы такого рода были романы Г. Конзалика, в частности "Врач из Сталинграда"⁷.

К. Морина, современная немецкая исследовательница литературного процесса 50-х годов, подчеркивает: "Страдания "других", погибших на Восточном фронте: гражданских лиц, евреев, советских пленных, – не обсуждались тогда в ходе дискуссий общественно-политического или литературного характера"⁸.

Именно в такой атмосфере Ремарк решает на мужественный поступок: раскрыть беспощадную правду о нацистских преступлениях на оккупированных советских территориях, бросив тем самым вызов утверждавшемуся в ФРГ "режиму реставрации". "Автор надеется – писал Ремарк, – и в дальнейшем выводить общество из равновесия"⁹. Но для того, чтобы понять происхождение и значимость его романа "Время жить и время умирать", следует обратиться к основным вехам предшествующей биографии писателя.

"УНИЧТОЖИТЬ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ"

В ноябре 1916 г. Ремарк со школьной скамьи был призван в рейхсвер. Он участвовал в боях во Фландрии, был тяжело ранен, долгое время находился в госпитале. После войны переменял множество профессий. Его роман о трагедии Первой мировой войны "На Западном фронте без перемен", вышедший в свет в январе 1929 г. и беспощадно разоблачавший германский милитаризм, подвергся необузданным нападкам реакции. Согласно приказу командования, солдатам рейхсвера было запрещено читать книгу. Когда в декабре 1930 г. на экраны Веймарской республики вышел поставленный по роману фильм, нацисты во главе с Геббельсом добились его запрета, как якобы представлявшего "угрозу авторитету Германии". Осенью 1931 г. Ремарк вынужден был покинуть Германию и поселиться в Швейцарии, а затем в США.

После прихода гитлеровцев к власти его произведения – вместе с трудами крупнейших писателей и мыслителей мира – были брошены в костры в десятках немецких городов. "В 1933 году я был символически сожжен вместе со всеми моими книгами"¹⁰, – писал позднее Ремарк. В июле 1938 г. последовало лишение писателя германского гражданства со следующей формулировкой: "При поддержке еврейской прессы он самыми мерзкими средствами оскорблял память павших на мировой войне и уже поэтому должен быть исключен из германского народного сообщества". Имущество писателя, его счета в банках были конфискованы.

В эмиграции были написаны ставшие впоследствии широко известными романы Ремарка "Три товарища", "Возлюби ближнего своего", "Триумфальная арка". Ремарк сумел (что удалось далеко не каждому беженцу) интегрироваться в американскую интеллектуальную среду. Но он сокрушался, будучи, как и другие немецкие писатели-эмигранты, оторванным от родной языковой стихии, его произведения оказывались недоступными немецким читателям. "Без своей земли я был словно загнанный голодный зверь"¹¹, – вспоминал он десятилетия спустя.

Эльфрида Шольц-Ремарк, сестра писателя, жившая в Дрездене, была арестована гестапо, ей были инкриминированы "чрезвычайно опасные пораженческие высказыва-

⁷ См.: Geiger K. *Kriegsromanhefte in der BRD. Inhalte und Funktionen*. Tübingen, 1974; Schornsteiner M. *Die leuchtenden Augen der Frontsoldaten. Nationalsozialismus und Krieg in Illustriertenromanen der fünfziger Jahre*. Berlin, 1995.

⁸ Morina Ch. *Der Angriffskrieg als Lesestoff. Darstellung und Deutung des Russlandfeldzuges in der deutsch-deutschen Nachkriegsliteratur (1945–1960)*, S. 17–18. -www.zeitgeschichte-online.de/zol/rainbow/documents/pdf

⁹ *Remarque E.M. Ein militanter Pazifist. Texte und Interviews 1929–1966*. Köln, 1994, S. 95.

¹⁰ *Ремарк Э.М. Три товарища. Враг. Воинствующий пацифист (письма, статьи, интервью)*. М., 1999, с. 438.

¹¹ Там же, с. 455.

ния"¹². Сначала ее приговорили к нескольким годам заключения, но председатель так называемого "народного суда" Фрайслер установил, что она является «родственницей того уроженца Оснабрюка, который написал "На Западном фронте без перемен"». После этого судья сказал: "Ваш брат ускользнул от нас. Но вы от нас никуда не денетесь". 4 декабря 1943 г. Эльфрида Шольц-Ремарк была казнена на гильотине. Ремарк посвятил ее памяти роман "Искра жизни".

24 июля 1944 г. Красная Армия освободила концлагерь Майданек – первый нацистский лагерь массового, конвейерного уничтожения людей, о котором стало достоверно известно общественности. Это позднее, уже в последние месяцы войны, потрясенному человечеству было суждено узнать об ужасах Освенцима, Берген-Бельзена, Бухенвальда, Дахау, Маутхаузена... Первое упоминание о Майданеке в дневнике Ремарка датировано 15 августа 1944 г.: "Обнаружены громадные крематории и массовые захоронения. Заключенных морили голодом, их трупы сжигали. Газовые камеры, в которых, набивали узников вплотную и затем травили"¹³.

Эту запись Ремарк внес в дневник за две недели до того, как ведущие газеты США опубликовали очерки американских военных репортеров, побывавших в бывшем лагере смерти. Ремарк, определенно, опирался на материалы, переданные советским Информбюро в американскую прессу в первой декаде августа и не вызвавшие должного внимания со стороны общественности США. Речь идет об оперативном переведенном на английский язык репортаже Константина Симонова, который первым рассказал миру об ужасах Майданека.

Дневниковая запись Ремарка основана на следующих свидетельствах Симонова: "То, о чем я здесь собираюсь писать, слишком огромно и страшно для того, чтобы целиком его осмыслить... Человек, видевший это, не в состоянии молчать... Люди были голые, их ставили вплотную друг к другу, и они не занимали много места. На 40 квадратных метров втискивали свыше 250 человек. Их вталкивали туда, закрывали за ними стальную дверь, обмазывали края ее глиной для более герметической закупорки... Сквозь трубы засыпался "циклон"... И когда люди умирали, наблюдателю не надо было смотреть вниз: умирая они не падали – камеру набивали так, что и мертвые продолжали стоять"¹⁴.

Страницы дневника Ремарка подтверждают, что именно леденящие душу факты о лагере уничтожения под Люблином побудили Ремарка начать подготовку меморандума, предназначенного для Управления стратегических служб США и озглавленного "Практика воспитательной работы в послевоенной Германии". 27 сентября 1944 г. Ремарк записывает: "Работа над текстом для стратегических служб"¹⁵. В документе содержится прямое указание на особую значимость сведений о Майданеке: "Концентрационные лагеря во Франции, Польше и России, особенно Люблинский лагерь с его крематориями и газовыми камерами... Массовые захоронения в Польше и в России, фотографии убитых детей и женщин"¹⁶.

"Первое, что надлежит сделать в Германии, есть уничтожение национал-социализма. До самых его корней"¹⁷. Такова исходная позиция, предложенная Ремарком. Но, в отличие от других немецких эмигрантов, возлагавших главные надежды по преодолению фашизма на действия оккупационных властей, у него отсутствовали какие-либо иллюзии. Ремарк был убежден, что без усилий самих немцев, без организации немецких су-

¹² Weisenborn G. Der lautlose Aufstand. Hamburg, 1953, S. 263–265.

¹³ Цит. по: Placke H., Zagratzki U. Eine Denkschrift und ein Zeitungsbeitrag Remarques in politischen Debatten: "Practical Educational Work in Germany after the War" (1944) und "Be Vigilant!" (1956) im Spannungsfeld zeitgenössischer Positionen. – Engagement, Debatten, Skandale. Deutschsprachige Autoren als Zeitgenossen. Łódź, 2002, S. 323.

¹⁴ Симонов К. Лагерь уничтожения. – Симонов К., Эренбург И. В одной газете. Репортажи и статьи. 1941–1945. М., 1984, с. 252, 259–260.

¹⁵ Цит. по: Placke H., Zagratzki U. Op. cit., S. 324.

¹⁶ Remarque E.M. Ein militanter Pazifist, S. 69.

¹⁷ Ibid., S. 67.

дебных процессов над нацистскими преступниками курс союзников на мирное демократическое развитие Германии будет обречен на провал.

Ремарк был уверен: "Чтобы предотвратить третью мировую войну, важнее всего уничтожить милитаризм"¹⁸. Писатель предугадывал, что элиты третьего рейха "попытаются обвинить во всем нацистов, укрыться на время, чтобы переформировать свои ряды и вновь оказаться на поверхности". "Генеральный штаб, – прогнозировал Ремарк, – переложит всю вину за проигранную войну на нацистов и Гитлера. Можно только будет поражаться тому, с какой интенсивностью будет происходить отмывка... "Необходимость выполнять приказ" – таким будет после войны ключевое слово. Почти все немцы будут именно так оправдывать свои преступления... Германский солдат-де сражался мужественно, память о победах будет сохраняться, а вина за все, что было провалено, будет возложена на нацистов, которые окажутся вне игры"¹⁹. Излишне говорить, что все эти опасения писателя полностью оправдались.

Ремарк искренне надеялся на то, что обнародование в Германии правды о преступлениях нацистов в Восточной и Западной Европе, "распространение информации о нацистских злодеяниях" вызовет у немцев "волну глубокого стыда, ярости и ненависти, поминания своей вины", "волну пробуждения из состояния кошмара"²⁰.

Особое место в послевоенной Германии Ремарк отводил антифашистскому просвещению немецкого народа: «Чтобы избежать возникновения новой "легенды об ударе ножом в спину"²¹, необходимо, чтобы Германия знала: именно от нее исходила война и катастрофа»²². "Немецкий народ в своем подавляющем большинстве, – был убежден Ремарк, – должен понять, что он несет ответственность за массовые убийства, за оккупацию чужих земель, за смерть шести миллионов представителей иудейского вероисповедания"²³. В Германии необходимо воспитание, опирающееся на национальные гуманистические традиции, необходима принципиально новая подготовка преподавателей средней и высшей школы: "Чтобы воспитать детей, сначала нужно воспитать учителей"²⁴.

Через год после окончания войны Ремарк констатировал: "По Германии прошелся паровой каток фашизма, и писателю неизвестно, существует ли сегодня то, что он знал раньше... Прежней Германии уже нет, события последних тринадцати лет внушают ужас и ненависть". И далее: "Я больше не намерен жить в Германии". (В августе 1947 г. Ремарк получил американское гражданство). И все же он был уверен в том, что "возрождение немецкого народа может произойти только изнутри, только если этого будет добиваться сам немецкий народ"²⁵.

Эти установки легли в основу идейного содержания двух произведений, над которыми Ремарк работал с осени 1944 г.: романа о нацистском концлагере ("Искра жизни") и романа о нацистских преступлениях на оккупированных территориях СССР ("Время жить и время умирать"). Сбор материалов и подготовка рукописей продолжались в течение восьми – девяти лет (срок для Ремарка необычно долгий) сначала в Нью-Йорке, затем в Порто-Ронко (Швейцария).

В предисловии к "Искре жизни" Ремарк писал: "Автор не был заключенным какого-либо концлагеря, но в его распоряжении находились многочисленные достоверные материалы, он располагал свидетельствами очевидцев"²⁶. Среди этих свидетельств – бесе-

¹⁸ Ibid., S. 71, 72.

¹⁹ Ibid., S. 71, 73–74.

²⁰ Ibid., S. 68, 70.

²¹ См. об этом: *Драбкин Я.С.* Легенда об "ударе кинжалом в спину". – Новая и новейшая история, 1964,

№ 1.

²² *Remarque E.M.* Ein militanter Pazifist, S. 71.

²³ Ibid., S. 88.

²⁴ Ibid., S. 78.

²⁵ Ibid., S. 86–87, 90.

²⁶ Ibid., S. 92.

ды с бывшими узниками Бухенвальда, прежде всего с О. Когоном, автором документального исследования "Государство СС"²⁷. Ремарк внимательно изучал материалы процесса фашистских айнзацгрупп, творивших злодеяния в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике²⁸. Чрезвычайно много дала писателю дружба с выдающимся юристом Р. Кемпнером. Он, подобно Ремарку, эмигрировал из Германии, стал американским гражданином. Кемпнер выполнял обязанности помощника главного обвинителя от США на процессе главных немецких военных преступников. Позднее был назначен главным обвинителем на так называемом "процессе Вильгельмштрассе" против ведущих сотрудников нацистского внешнеполитического ведомства.

Роман "Искра жизни" был завершен в 1952 г. и предложен ряду издательств Швейцарии и ФРГ. Однако реакция издателей была, по словам Ремарка, "большей частью враждебной, осторожной или сдержанной"²⁹. Швейцарский издатель А. Шерц, заключивший договор о публикации романа и расторгнувший его, в письме от 20 июля 1951 г. поучал и предостерегал всемирно известного писателя: «Хорошо ли Вы подумали о том, какое впечатление, в частности, в Германии, вызовет швейцарское издание Вашей книги?... У меня достаточно мужества, но если мы выпустим "Искру жизни", мы поставим Вас и себя под удар, и на Вас, и на нас обрушится шквал критики, который приведет к бойкоту не только этой книги, но и всех Ваших произведений, а также и всех изданий нашего издательства». В письме Шерца содержался важный тезис: пагубную роль в восприятии правды о "третьем рейхе" непременно сыграет наличествующее у немцев "скрытое чувство вины"³⁰.

Тревожный звонок прозвучал. Кёльнское издательство "Кипенхойер унд Вич", взявшееся после отказа Шерца за публикацию "Искры жизни", понесло финансовые убытки. Причины этого явно находились вне сферы книжного бизнеса. Ремарку было предельно ясно: "Германия уже начала – и так быстро, как только это возможно, – забывать годы 1933–1945, забывать, а не раскаиваться"³¹.

В феврале 1952 г. Ремарк ставит диагноз происходившему на родине: "германский невроз". Вновь возродилась опасная тяга к "повиновению и выполнению приказов, которая уже привела к терпимости по отношению к национал-социализму и позволила ему приобрести влияние и придти к власти" – "вместо того, чтобы работать над тем, чтобы это никогда больше не повторилось"³². Через полгода в дневнике Ремарка появляются записи о встречах на родине: "Будто бы я находился в подводном царстве... Никакого контакта. Чужой спектакль на чужой сцене... Зомби. Раздвоенные души". И – как твердое решение: "Ни о каком возвращении в Германию не может быть и речи"³³.

Еще одна страничка из дневника – от апреля 1954 г.: «Прочел в "Тайм" о том, что в Дортмунде судья Эйкхофф оправдал два десятка нацистов-полицейских, обвинявшихся в расстреле 110 евреев в варшавском гетто... Судья и шестеро присяжных объявили, что подсудимые действовали по приказу... Становится тошно»³⁴.

Запись, датированная сентябрем 1954 г.: "Нацисты снова повсюду на первом плане... Вина отвергнута и не признана, поэтому нет никаких улучшений и перемен... И уже упрекают тех, кто не хочет забывать 33–45 годы... Нельзя, дескать, вечно копать в старье. Немцы великодушны к тем, кто стремится забыть собственные преступления и

²⁷ Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1980.

²⁸ Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law Nr. 10, v. XI. Washington, 1950.

²⁹ Remarque E.M. Ein militanter Pazifist, S. 92.

³⁰ Цит. по: Ремарк Э.М. Три товарища. Враг. Воинствующий пацифист, с. 408.

³¹ Remarque E.M. Ein militanter Pazifist, S. 92.

³² Цит. по: Placke H., Zagratzki U. Op. cit., S. 329.

³³ Цит. по: Westphalen T. Zur politischen Diskussion um Erich Maria Remarque in der Bundesrepublik Deutschland. Sieben Bausteine für eine vorläufige Zwischenbilanz. – Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung. Osnabrück, 1998, S. 367–368.

³⁴ Ibid., S. 369.

возмущаются, если кто-то требует иного... Комментатор законов о преследовании евреев назначен статс-секретарем ведомства федерального канцлера³⁵. Правительство определило пенсию Дильсу – бывшему начальнику гестапо – 650 марок ежемесячно... Все это невыносимо³⁶.

"МЫ НАРУШИЛИ ВСЕ ДОГОВОРЫ, ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ"

В январе 1954 г. немецкий текст романа "Время жить и время умирать" был готов и передан для перевода на английский язык. В начале февраля авторский экземпляр был переправлен из Порто-Ронко в Кёльн, в издательскую фирму "Кипенхойер унд Вич", рискнувшую опубликовать предыдущую книгу Ремарка. В апреле роман "Время жить и время умирать" был выпущен в США отдельным изданием ("A Time to Love and a Time to Die").

Через текст "Искры жизни" тема России проходит пунктиром. Среди персонажей книги – безымянные (только один назван по имени) русские заключенные, люто ненавидящие своих палачей. Один из нацистов рассуждает в преддверии полного краха: "С одной стороны подошли русские, с другой – англичане и американцы, куда тут деться?... Бежать от американцев означает попасть в руки к русским, уж можно себе представить, чем все это кончится. Они ведь неспроста прошли от Москвы и Сталинграда по своей разоренной земле"³⁷.

Для "Времени жить и времени умирать" тема России стала центральной. Справедливо мнение, высказанное польским ученым С. Кашинским: основным мотивом книги является "деконструкция популярной военной мифологии, включение вины вермахта в общую картину преступлений в России"³⁸.

Действие романа происходит весной 1943 г. Солдат Эрнст Гребер, отслуживший во Франции и в Африке, после ранения оказывается на другой войне, где "смерть пахла иначе", – на центральном участке Восточного фронта. Уже произошло "что-то необъяснимое под Москвой и Сталинградом... На горизонте начался грохот, он заглушал все речи фюрера, и уже не прекращался, и гнал перед собой немецкие дивизии в обратный путь... Каждый уже знал, что победы превратились в бегство... Отступление вело напрямик в Германию". Именно в России происходили решающие события войны, события, которые требовали осмысления и действия: "То Неведомое, что неслышно и неспешно приближалось, было слишком огромно, слишком неуловимо и грозно"³⁹.

Ремарк сознательно отказывается от описания боевых действий. Роман начинается сценой расстрела мирных жителей и дележки одежды убитых. Расстрела, в котором, согласно приказу, участвует Гребер. "При этом каждый знал, что четверо русских могут быть партизанами, а могут и не быть, и что у них нет ни малейшего шанса на оправдание". Крестьяне держатся мужественно, в их душах накоплен вселенских масштабов заряд ненависти к оккупантам. Старик, понимающий по-немецки, так передает слова женщины перед казнью: "Она проклинает вас и всех немцев, что пришли на русскую землю. Она проклинает и детей ваших. Она говорит, что настанет день, и ее дети будут расстреливать ваших детей, как вы нас расстреливаете"⁴⁰.

³⁵ Имеется в виду Г. Глобке, высокопоставленный чиновник нацистского министерства внутренних дел, автор официального комментария к закону, ставившего евреев вне германского общества (1936 г.). В 1953–1963 гг. руководитель ведомства федерального канцлера. В 1963 г. верховный суд ГДР заочно приговорил Глобке к пожизненному заключению.

³⁶ Цит. по: *Westphalen T.* Op. cit., S. 369.

³⁷ *Ремарк Э.М.* Искра жизни. М., 2004, с. 320.

³⁸ *Kaszynski S.* Absicht und Wirkung. Rezeptionsästhetische Strategien im Kriegsroman "Zeit zu leben und Zeit zu sterben" von Erich Maria Remarque. – Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung, S. 319–320.

³⁹ *Ремарк Э.М.* Время жить и время умирать. М., 1992, с. 19–20, 22.

⁴⁰ Там же, с. 14, 15.

Нет никаких сомнений в том, что самые страшные преступления совершались профессиональными палачами СС и СД, полевыми жандармами, военнослужащими в составе айнзацгрупп. Но вермахт был послушным инструментом режима. В романе Ремарка расстреливают русских обычные солдаты обычной воинской части... И сослуживцы Гребера пытаются оправдать себя при помощи ложных аргументов, ставших затем в ФРГ стандартными на долгие десятилетия: "Мы не сжигаем и не расстреливаем все, что попадет на пути". Или: "Не мы с тобой эту войну затеяли, не мы за нее в ответе. Мы только выполняем свой долг. А приказ есть приказ"⁴¹.

Однако под влиянием поражений германской армии немцы в военной форме начинают задумываться над своими злодеяниями и своим будущем. Фрезенбург, сослуживец главного героя, убежден: "Все мы людоеды"; "С нами больше не станут разговаривать. Мы свирепствовали, как Атилла и Чингисхан. Мы нарушили все договоры, все человеческие законы... Война давно проиграна"⁴². Немалую роль в становлении взглядов Гребера играет описанный автором с явной симпатией солдат Иммерман – коммунист, прошедший через концлагерь и призванный в вермахт. Гребер "начинал сомневаться, и его охватывало отвращение, но он упорно гнал его от себя"⁴³.

Русский опыт Гребера заставляет его по-иному воспринять разрушенный бомбардировками город, где он сразу по прибытии в отпуск узнал о гибели родителей: "Город уже ничем не напоминал той родины, к которой так рвался Гребер; скорее это было какое-то место в России". Ютившиеся по подвалам земляки Гребера, винившие во всем союзническую авиацию, страшились соединить в своем воображении авианалеты на немецкие города и преступные методы ведения войны на Востоке. Но русский опыт подталкивает Гребера к другому объяснению трагедии: "катастрофой было то, что привело к братским могилам". Об этом же при виде человека в форме вермахта кричит обезумевший от страха старик: "Это колокол мертвых, и ветер звонит в него! Небо взывает его голосом к милосердию... Мертвые повсюду. Они лежат под обломками, их руки раскинуты и лица растоптаны, они лежат там, но они воскреснут и они будут гнаться за вами... Они будут обвинять вас и судить каждого в отдельности"⁴⁴.

В поисках выхода из гнетущего отчаяния Гребер обращается к Польшману, бывшему учителю, которого нацисты изгнали из школы, устроив за ним слежку и запретив общаться с молодежью⁴⁵. Гребер решает задать Польшману (и себе!) вопросы, за которые, по словам учителя, "отрубают голову": "Я хочу знать, в какой степени на мне лежит вина за преступления последних десяти лет... В какой мере я стану соучастником, если я знаю, что не только война проиграна, но мы должны ее проиграть, чтобы было покончено с убийством, рабством, концлагерьями, эсэсовцами и штурмовиками, массовым уничтожением и бесчеловечными зверствами?... С какой минуты то, что принято назвать героизмом, становится убийством? Когда перестаешь верить, что оно оправдано?"⁴⁶

Кто несет ответственность за приход Гитлера к власти, за участие рядовых немцев в злодеяниях режима? Польшман склонен винить не молодежь, которая с самого начала была отравлена ложью, но – старшее поколение: "Мы – мы видели, и мы дали всему

⁴¹ Там же, с. 5, 25.

⁴² Там же, с. 32–33.

⁴³ Там же, с. 21. Знаменательна близость суждений Ремарка и В.С. Гроссмана. Советский писатель считал, что после Сталинграда начались "особые изменения в головах и душах немецких людей, окованных, зачарованных бесчеловечностью национального государства; они касались не только почвы, но и подпочвы человеческой жизни, и именно поэтому люди не понимали и не замечали их... Медленно и постепенно началось высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью". – Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М., 1989, с. 550.

⁴⁴ Ремарк Э.М. Время жить и время умирать, с. 32–33, 72, 108, 128.

⁴⁵ Учитель Польшман-"alter ego" автора. В 1958 г. американский режиссер Д. Сирк поставил фильм "Время любить и время умирать", и Ремарк, никогда не снимавшийся в кино, сыграл именно эту роль.

⁴⁶ Ремарк Э.М. Время жить и время умирать, с. 148–150.

этому свершиться! Что тут виной? Душевная вялость? Равнодушие? Ограниченность? Эгоизм? Отчаяние. Но как могла так распространиться эта чума?"⁴⁷. Вопросы, которые и сегодня мучают мыслящих немцев, вопросы, на которые мы и сегодня не знаем полного ответа...

Не только Греберу, но – германским гражданам следующих поколений обращены предупреждения Польшмана: "Мы были слишком высокомерны, мы вообразили, что наше кровавое прошлое уже преодолено. А теперь знаем, что стоит нам только оглянуться, и оно нас тут же настигнет". Гребер понимает, что Польшман обречен, что его ожидает та же судьба, что постигла уже замученных русских крестьян: "Он вдруг вспомнил, на чьи глаза похожи глаза Польшмана: такие же были у того русского, которого он расстреливал"⁴⁸.

Постигнув многое и вернувшись на фронт, Гребер полон отчаяния. Он получает приказ охранять запертых в сарае русских заложников, которые "не похожи на партизан, это просто бедные крестьяне"⁴⁹. В ключевой сцене романа мастерство Ремарка достигает шекспировской трагедийной силы. Когда узников надо уже вести на казнь, Гребер расстреливает в упор нациста Штайнбренера, бросает винтовку и разрешает узникам бежать. Но русские не верят ему, не понимают смысла его действий. Ненависть к оккупантам господствует в их сознании. Будто воскресли те четверо, которые были убиты при участии Гребера. Воскресли, чтобы мстить. И смерть приходит к Греберу расплатой за соучастие в преступлениях.

"ИЗ ТЕКСТА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИЗЪЯТЫ..."

В феврале 1954 г. авторский текст романа лег на стол издателя К. Вича. 24 марта 1954 г. он направляет Ремарку письмо, содержащее требование правки рукописи. Письмо, несмотря на внешнюю сдержанность, фактически имело ультимативный характер: "Я хотел бы сказать Вам совершенно откровенно: в издательстве существуют мнения о том, что некоторые части романа являются неприемлемыми... Мы единодушно полагаем, что из текста должны быть изъяты неправдоподобные для описываемого периода войны характеристики событий и действий отдельных лиц". Но дело было, разумеется не в неточности отдельных деталей. Вич, исходя из логики "холодной войны", потребовал изменить начало и конец романа, т.е. сцены преступлений вермахта против мирных советских жителей, увидев в этих главах "ошибочные заключения", прямо связанные с "недооценкой русской опасности".

Кроме того, как полагал Вич, необходимо существенно трансформировать характеристики некоторых персонажей, которые "подвергают опасности успех романа". Издатель считал, что фигура Штайнбренера "такой, как она описана, не годится". Самые серьезные упреки автору были высказаны "против фигуры коммуниста Иммермана, который, в общем и целом, является единственным, кто с самого начала верно оценивает ситуацию". "Вряд ли можно согласиться с тем, – продолжал Вич, – что коммунист выступает с некими поучениями, притом в роли поборника человечности". Вич прямо-таки поучал Ремарка: "Опасность русских недооценивается в той же степени, что и опасность коммунистов", что "может только серьезно повредить воздействию книги". Издатель ставил в пример Ремарку успех романов, написанных с учетом того, как воспринимало войну против СССР общественное мнение ФРГ. В заключение издатель призвал автора "sine ira et studio"⁵⁰ прислушаться к аргументам и предложенным изменениям"⁵¹. В следу-

⁴⁷ Там же, с. 150.

⁴⁸ Там же, с. 248–249, 150.

⁴⁹ Там же, с. 309.

⁵⁰ "Без гнева и пристрастия" (*лат.*)

⁵¹ *Schneider Th., Howind A. Die Zensur von Erich Maria Remarques Roman über den Zweiten Weltkrieg "Zeit zu leben und Zeit zu sterben" in der BRD. – Militärische und zivile Mentalität. Ein literaturkritischer Report. Berlin, 1991, S. 308–311; Schneider Th. "Und Befehl ist Befehl. Oder nicht?". Erich Maria Remarque: "Zeit zu leben und Zeit zu sterben" (1954). – Von Böll bis Buchheim: Deutsche Kriegsprosa nach 1945. Amsterdam, 1997, S. 238–239.*

ющем письме Вич информировал писателя о том, что несколько еженедельных изданий уже отказались от публикации романа или его фрагментов. Издатель пытался объяснить это следующим образом, как бы не замечая, что его формулировка полностью отсылается к нему самому: "Люди боятся. Чего же? Боятся правды"⁵².

Перечень произвольных сокращений и вставок в текст романа занимает полтора десятка страниц⁵³. Чтобы сделать более приемлемой для западногерманского читателя фигуру коммуниста Иммермана, его переименовали в социал-демократа. Из жизнеописания доносчика и изувера Штайнбрэннера, "нациста на все двести", было вычеркнуто самое главное: его предыдущая служба охранником в лагере и пребывание в рядах СС. Палач и доносчик был превращен в простого солдата.

Особое возмущение Ремарк вызвали грубые искажения текста принципиально важной для автора заключительной главы романа. В сцену, где Гребер отказывается расстреливать пленных, убивает Штайнбрэннера и отпускает русских на волю, была вставлена фраза, существенно меняющая сам смысл происходившего. Главному герою были приписаны слова, якобы сказанные перед его смертью: "Значит, это все-таки партизаны". И еще одна вставка. Казнь нациста Штайнбрэннера, ставшая расчетом с преступником и разрывом Гребера с прошлым, "переквалифицирована" в "убийство при самоощущении".

Ремарк прекратил личную переписку с издателем, на деловые письма Вича отвечала О. Амман – литературный секретарь Ремарка. Присланная из Кёльна рукопись с предложенными Вичем изменениями без комментариев была возвращена в издательство. В сентябре книга – в искаженном виде – была опубликована. Публичных протестов со стороны автора не последовало.

Почему же Ремарк не вступил в спор с издателем, почему он не боролся за судьбу своего детища? Верил, что и после вивисекции книга дойдет до умов и сердец читателей? Надеялся, что те, кто заинтересован в истине, сумеют сопоставить немецкое издание с английским переводом, который полностью соответствует воле автора? Опасался, что в случае несогласия с Вичем роман не увидит света в Германии? Повлияли последствия тяжелой автокатастрофы, в которую Ремарк попал под Локарно в марте 1954 г.? Или сказались проблемы, связанные со смертью отца в июне 1954 г.? Столкнулся ли Ремарк с юридическими и финансовыми трудностями? Гнушался ли он полемикой, которую считал для себя унижительной и бесполезной?⁵⁴

Факты непреложны: в ФРГ – при отсутствии государственной цензуры – существовала цензура издательств и общественного мнения. Цель грубых вторжений в авторский текст состояла в том, отмечает исследователь творчества Ремарка Г. Плакке, чтобы «смягчить впечатление о злодеяниях вермахта и зверствах айнцагрупп на территории СССР – в полном соответствии с официальными заявлениями о "чистом вермахте", сделанными в рамках "холодной войны" в ходе ремилитаризации Федеративной Республики»⁵⁵.

В октябре 1954 г. сначала в одной из датских газет, а затем в еженедельнике "Шпигель" появилась подробная информация об искажениях в тексте романа. Журнал пришел к выводу, что немецкое издание "значительно мягче, чем переводы на иностранные языки", а "процедура редакционных изменений предпринята, дабы пощадить читателя или автора"⁵⁶. Газета "Вельт" констатировала: "В германской литературе вновь вводит-

⁵² Цит. по: *Schneider Th., Howind A.* "Weiterschweigen heißt seine Schuld eingestehen". "Zeit zu leben und Zeit zu sterben": Die Zensur eines Antikriegsromans in der BRD und ihre Revision. – *Krieg und Literatur/War and Literature*, 1989, № 2, S. 84.

⁵³ *Der kastrierte Remarque. Nochmals zu dem Roman "Zeit zu leben und Zeit zu sterben". - Neue deutsche Literatur*, 1957, № 4, S. 108–126.

⁵⁴ Ремарк предпочел избрать аналогичную линию поведения в 1929–1930 гг., когда была развернута клеветническая кампания против романа и фильма "На Западном фронте без перемен". Поэтому Карл фон Осецкий критиковал тогда Ремарка.

⁵⁵ *Placke H.* Die politische Diskussion in den fünfziger Jahren um die Remarque-Filme. – *Das Auge ist ein starker Verführer. Erich Maria Remarque und der Film*. Osnabrück, 1998, S. 253.

⁵⁶ *Remarque. Liquidation mit dem Rotstift*. – *Der Spiegel*, 1954, № 51, S. 43–44.

ся цензура, дабы сделать прошлое менее отвратительным и ослабить реакцию народа на то, что несет в своем чреве будущее"⁵⁷. Вынужденно отвечая критикам, Вич назвал сообщения печати "ложными и преувеличенными". Он утверждал, что "тенденция книги осталась неизменной". Редакционное вмешательство в авторскую рукопись он объяснял тем, что Ремарк оторван от Германии, живет за границей и поэтому допустил немало неточностей в описаниях военного быта. Поэтому правка якобы "не имела принципиального значения" и свелась устранению ошибок в терминологии. Но все же Вич признался, как он это витиевато сформулировал, в усилиях по "выправлению политической валентности" романа⁵⁸.

Однако эта полемика осталась в ФРГ середины 50-х годов почти незамеченной. Как показали исследования сотрудников Центра мира имени Ремарка, из 130 оперативных печатных отзывов о романе только в 16 было упомянуто, и то по большей части мелком, о фальсификации текста⁵⁹.

Грубое вмешательство в живой организм романа не спасло его от поношения. Перед нами характерные отзывы западногерманской печати: "Внутренние немецкие часы Ремарка остановились в 1933 году"⁶⁰. "Все это неправда", "он при этом не присутствовал!"⁶¹; "все события могут освещаться с различных точек зрения. Ремарк выбрал для себя перспективу омерзительного трупного червя, который ползает среди гниющих останков и питается ими"⁶²; "Ремарк был эмигрантом. Во время войны он не прожил ни одного дня в Германии. Его враждебность по отношению к СС и нацистам, его стрелы, выпущенные против коричневых бонз, – все это не может скрыть того, что Ремарк грелся у американских и швейцарских каминов в то время, как немецкие города находились в преддверии гибели"⁶³. Писателя обвиняли в том, что он впал в "состояние антигерманского аффекта" и поддерживает тезис о "коллективной вине немцев"⁶⁴.

Наиболее откровенно политическую подоплеку ожесточенных нападок на писателя раскрыл журнал "Фронтовик рассказывает" ("Der Frontsoldat erzählt"), издававшийся ветеранами вермахта: "Никто не ждал от Ремарка героического эпоса, которого он и не хотел, и не мог сочинить по причине своего отсутствия в Германии. Но от него требовалась объективность, поскольку он располагал многими источниками. Не противоречит ли действительности то, что все мы предстали сволочами? Ведь в течение пяти лет мы сражались против всего мира, а сегодня нас – на равноправной основе – принимают в Западный союз"⁶⁵.

"В Германии, – сетовал Ремарк, – с большим трудом понимают, что обличение происходивших там событий не имеет абсолютно ничего общего с ненавистью к немцам. Там не догадываются, что Германию можно одновременно любить и критиковать"⁶⁶.

"ВЫБИРАЛ ДЛЯ СВОИХ КНИГ САМЫЕ НЕПОДХОДЯЩИЕ СЮЖЕТЫ"

Парадоксальным было то, что роман немца-эмигранта, не бывшего свидетелем или участником описываемых в повествовании событий, воспроизводил документально точный образ преступной войны, которую вел вермахт против Советского Союза. Политический климат начальных лет "эры Аденауэра" делал эту тему не просто нежелательной, но едва ли не запретной. До правдивых научных публикаций о германской оккупа-

⁵⁷ Die Welt, 11. X.1954.

⁵⁸ Rhein-Neckar-Zeitung, 19.X.1954.

⁵⁹ Schneider Th., Howind A. "Weiterschweigen heißt seine Schuld eingestehen", S. 88.

⁶⁰ Günther H. Allgemeiner Buchbericht. – Welt und Wort, 1957, № 2, S. 54.

⁶¹ Цит. по: Sternburg W. von. "Als wäre alles das letzte Mal". Erich Maria Remarque. Eine Biographie. Köln, 1998, S. 379–380.

⁶² Münchner Illustrierte, 14.VIII.1954.

⁶³ Ruhr-Nachrichten, 19.X.1954.

⁶⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 29.IV.1955.

⁶⁵ Цит. по: Parr R. Ein frühes Kapitel Wehrmachtskritik. – Faschismus in Texten und Medien. Oberhausen, 2004, S. 111.

⁶⁶ Цит. по: Placke H., Zagratzki U. Op. cit., S. 334.

ционной политике на советских территориях было еще чрезвычайно далеко, в ходу были заманчивые мифы о немцах как жертвах роковых обстоятельств и о "чистой войне" вермахта на Востоке. Любые проявления солидарности с разоренной оккупантами Россией считались сомнительными и недопустимыми. Но русские в романе Ремарка обладали чертами мужества и благородства⁶⁷. Явную досаду у широкой публики вызывали содержащиеся во "Времени жить и времени умирать" интонации моральной проповеди, неприятие которых вызывалось тем "скрытым чувством вины", о котором писал Ремарк его несостоявшийся швейцарский издатель.

Содержание и характер романа, считает политолог Б. Нинабер, невозможно понять без учета "соотношения текста и времени его возникновения", времени, когда разоблачение преступлений вермахта "находилось в вопиющем противоречии с господствовавшим общественным сознанием", когда повсеместно в ФРГ доминировала идея "коллективной невиновности в злодеяниях национал-социализма"⁶⁸. К. Морина называет книгу Ремарка "исключительным явлением литературного ландшафта" ФРГ 50-х годов⁶⁹. Литературовед Й. Херманд считает чудом то, что это произведение вообще «могло появиться в климате "холодной войны"»⁷⁰.

Почему полемика вокруг первой книги Ремарка "На Западном фронте без перемен" явилась событием общегерманского масштаба, а споры о "Времени жить и времени умирать" стали малозначительным эпизодом "холодной войны", не вышедшим за пределы редакционных кабинетов и рабочей комнаты автора? Почему книга Ремарка о Первой мировой войне имела оглушительный успех, а его "русский роман" не вызвал значительного общественного резонанса?⁷¹

Объяснение состоит, очевидно, в кардинальном отличии двух исторических ситуаций. В 1929–1930 гг. в Веймарской республике происходило открытое противостояние политических сил, перспективы страны оставались пока что открытыми. Сам характер восприятия романа Ремарка стал индикатором остроты этой конфронтации. В 1954 г. логика развития двух германских государств была уже predetermined в рамках конфронтации двух военно-политических блоков, политический процесс в ФРГ имел однонаправленный характер. В начале 30-х годов с Ремарком расправлялись запретами, сожжением книг и лишением гражданства. В середине 50-х ситуация и нравы стали иными, налицо были "просто" общественное равнодушие и оскопление авторского текста. Поражение Ремарка адекватно отразило крах надежд на быстрый и эффективный расчет немцев с нацистским прошлым.

В результате кропотливой многолетней работы, которую осуществили руководитель Центра мира имени Ремарка Т. Шнайдер и его сотрудница А. Ховинд⁷², авторский текст романа был реконструирован и в 1989 г. опубликован на немецком языке⁷³. Но это издание осталось малозамеченным, не стало событием литературной и общественной жизни. Потому ли, что тогда Германия была охвачена эйфорией, связанной с объединением страны? Или причину следует искать глубже?

Хотя произведения Ремарка издавались значительными тиражами, писатель, по существу, оставался для ФРГ "белой вороной". Его нередко обвиняли в антипатриотизме,

⁶⁷ Ремарк испытывал искреннюю симпатию и глубокое сочувствие к российскому народу, но не питал иллюзий относительно характера сталинского режима. В записи из дневника, относящейся к 1950 г., говорилось: "Единственная инстанция, которая пока что успешно препятствует мировой революции – это Сталин и Политбюро. Они делают все, чтобы доказать: коммунизм в их исполнении хуже, чем все остальное". – Цит. по: *Placke H., Zagratzki U.* Op. cit., S. 329.

⁶⁸ *Nienaber B.* Remarque gegen Restauration. – *Krieg und Literatur/War and Literature*, 1989, № 1, S. 53–54.

⁶⁹ *Morina Ch.* Op. cit., S. 12.

⁷⁰ *Hermand J.* Die Kriegsschuldfrage im westdeutschen Roman der fünfziger Jahre. – *Schuld und Sühne*. Amsterdam, 2001, S. 439.

⁷¹ Сыграло ли свою роль то обстоятельство, что содержание книги о Второй мировой войне (в отличие от первого романа) находилось вне сферы личного опыта автора? Видимо, данный фактор был все же второстепенным.

⁷² *Schneider Th., Howind A.* "Weiterschweigen heißt seine Schuld eingestehen", S. 79–142.

⁷³ *Remarque E.M.* Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Revidierte Neuauflage. Köln, 1989.

на что Ремарк ответил: "Именно потому, что я люблю эту страну, я добиваюсь того, чтобы ее молодежь знала правду"⁷⁴. Многих немцев творчество писателя раздражало. Ремарк призывал своих соотечественников: «Никогда не говорите "так точно"!»⁷⁵.

«Ремарк с удивительным постоянством, – писала после кончины писателя газета "Цайт", – выбирал для своих книг самые непопулярные и самые неподходящие сюжеты»⁷⁶. Автор некролога в газете "Райнишер Меркур" утверждал, что популярность Ремарка среди читающей публики объяснялась не содержанием его книг, но тем, что "имиджу писателя содействовали нацисты, сжигая его книги, лишая его гражданства"⁷⁷. Среди собратьев по перу Ремарк считался старомодным, а его манера письма – чересчур традиционной. Генрих Бёлль, который был немало удивлен популярностью писателя в СССР, полагал: "Для нас его книги – история"⁷⁸.

В марте 1962 г. Р. Кемпнер обратился в ведомство президента ФРГ с предложением наградить Ремарка орденом. В течение нескольких лет инициатива наталкивалась на отказ под абсурдным предлогом отсутствия у писателя "связи с современной Германией". И только после прихода к власти правительства большой коалиции, когда министром иностранных дел стал В. Брандт, справедливость была восстановлена. В поздравительной телеграмме Брандта Ремарку было сказано (наперекор тому, что утверждалось правящими кругами ранее): "Ваш голос значил и значит немало для всего мира. Вы заслужили признание современности Германии"⁷⁹.

Никому в ФРГ не пришло в голову хлопотать о восстановлении Ремарка в правах германского гражданина. Писатель, по его словам, ощущал себя "эмигрантом, лишенным гражданства и все еще не удостоенным чести стать немцем"⁸⁰. Нацистский закон от 14 июля 1933 г. об аннулировании германского подданства для "нежелательных лиц" не был отменен в ФРГ. Восстановление прежнего гражданства для эмигрантов, вынужденно покинувших страну, было связано, по оценке Ремарка, с "унизительными, почти оскорбительными" процедурами. Он высказался на эту болезненную для него тему предельно ясно: "Насколько мне известно, ни один из нацистских преступников не был лишен германского гражданства. Но эмигранты находятся на ступеньку ниже"⁸¹.

Для советской интеллигенции периода оттепели тексты Ремарка были подобны глотку свежего воздуха. Перевод "Времени жить и времени умирать" был напечатан в 1956 г., в журнале "Иностранная литература", затем появились многочисленные (более 40) издания на русском языке и на языках народов СССР. Оперативно были опубликованы квалифицированные отзывы, содержавшие высокую оценку романа. При этом не обошлось без ритуальных суждений об "односторонних, неполноценных", «расплывчатых, "общегуманистических" воззрениях» Ремарка. Ему, как "буржуазному писателю", вменялось в вину, что он "не занимает определенной политической позиции", "не вдается в вопрос о справедливых и преступных войнах", "не видит реальной перспективы исторического развития"⁸². Однако на масштабы общественного интереса к Ремарку такие оценки не повлия-

⁷⁴ *Remarque E.M. Ein militanter Pazifist*, S. 115.

⁷⁵ Это – заключительная фраза из фильма "Последний акт" (сцены в имперской канцелярии после окружения Берлина), ведущим сценаристом которого был Ремарк. Фильм поставлен в 1955 г. австрийским режиссером Г.В. Пабстом. "Так точно" (нем. "Jawohl") – формула воинского послушания и готовность выполнить приказ, стала символом немецкого и верноподданничества.

⁷⁶ *Die Zeit*, 27. IX. 1970.

⁷⁷ *Rheinischer Merkur*, 25. IX. 1970.

⁷⁸ Цит. по: *Орлова П., Копелев Л.* Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1990, с. 147.

⁷⁹ *Westphalen T.* Op. cit., S. 142.

⁸⁰ *Remarque E.M. Ein militanter Pazifist*, S. 142.

⁸¹ Цит. по: *Westphalen T.* Op. cit., S. 142.

⁸² *Сучков Б.* Книга, которая судит. – Иностранная литература, 1955, № 4; Панков В. Время жить и время бороться. – Знамя, 1957, № 2; *Фрадкин И.* Ремарк и споры о нем. – Вопросы литературы, 1963, № 1.

Такие или подобные им формулировки носили, скорее всего, вынужденный (для авторов статей) характер, чего никак нельзя сказать о В.Я. Кирпотине, вопрошавшем: "Что он [Ремарк] сеет в умах и сердцах?" – Известия, 18. XI. 1959.

ли. В стране проводились сотни читательских конференций, на которых обсуждались "Три товарища", "Время жить и время умирать". Активнейшим популяризатором произведений Ремарка в Советском Союзе был писатель и германист Л.З. Копелев.

Трудно понять, почему квалифицированные отечественные специалисты по германской литературе прошли мимо поучительной истории нарушения авторской воли Ремарка и публикации искаженного варианта романа (об этом было подробно рассказано в периодике ГДР⁸³). До сих пор в России переиздается искаленная редакция романа, и нашим читателям (в отличие от читателей ФРГ, Великобритании, США), к сожалению, все еще недоступен его аутентичный текст.

АКТУАЛЕН ЛИ РЕМАРК ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФРГ?

В конце XX в. политический ландшафт Европы вообще и Германии в частности неузнаваемо изменился. Осенью 1989 г. рухнула берлинская стена, через год с карты континента исчезли контуры ГДР.

С уходом из жизни немцев, для которых нацистская диктатура являлась фактом собственных биографий, субстанция коллективной памяти исчезает и замещается весьма приблизительными представлениями. В ФРГ разворачивается новая фаза дебатов об отношении к нацистскому прошлому. "Возвращаются" неудобные, неуместные "проклятые" вопросы, поставленные в прозе Ремарка в середине 50-х годов и тогда не услышанные обществом: о национальной вине и национальной ответственности, о возможностях индивидуального выбора в условиях нацистского режима.

С марта 1995 до ноября 1999 г. в 32 городах ФРГ была показана документальная экспозиция "Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 гг."⁸⁴ (подготовленная гамбургским Институтом социальных исследований. В ноябре 2001–марте 2004 г. в 11 немецких городах был представлен второй вариант экспозиции, получивший название "Преступления вермахта. Ракурсы истребительной войны 1941–1944 гг."⁸⁵. Общее число посетителей выставки оказалось рекордным – 1200 тыс. чел. Экспозиция стала полем политического противостояния, предметом обсуждения в бундестаге, в земельных и городских парламентах ФРГ.

Только к середине 90-х годов в центре германских дебатов о Второй мировой войне и "третьем рейхе" оказалась проблема "вермахт и военные преступления на Восточном фронте". Может быть, такой поворот дискуссии не очень понятен нашим соотечественникам. Ведь для жертв развязанной нацистами войны на уничтожение не имело значения, были ли их палачами военнослужащие вермахта, СС, айнзацгрупп, полиции, полевой жандармерии, носили ли они зеленую, серую, коричневую или черную униформу. Все они были на одно лицо – немцами, фашистами, нападшими на страну, убивавшими ее жителей, сжигавшими города и села.

Для общественного мнения ФРГ обращение к криминальной роли германской армии играет особую роль. В историографии и в массовом историческом сознании ФРГ постепенно пробило себе дорогу осмысление зла, причиненного гитлеровским режимом самим немцам, признание необходимости искупления преступлений против еврейского народа. Понятия "тоталитарная диктатура", "Освенцим", "Холокост" давно уже стали предостережением едва ли не для каждого немца, однако признание реальности "другого Холокоста" – злодеяний по отношению к народам СССР – отторгалось массовым сознанием. Восприятие ужасающей картины "войны на Востоке" вызывало аллергию у большинства немцев. Речь шла фактически о вине или об ответственности членов каждой семьи: через вермахт прошло 18–19 млн. немцев нескольких призывных возрастов. Речь шла о людях, совершавших преступления, являвшихся их свидетелями, или, по меньшей мере, знавших о злодеяниях в зоне операции "Барбаросса".

⁸³ Weiskopf F.C. Die politischen Valenzen des Dr. Witsch oder Der kastrierte Remarque. – Neue deutsche Literatur, 1955, № 2.

⁸⁴ Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. Hamburg, 1995.

⁸⁵ Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg, 2002.

Основные факты, которые легли в основу экспозиции, были известны, о них говорилось в романе "Время жить и время умирать" (позднее – в трудах немецких историков), но о нежелательных реалиях принято было молчать. Центральной темой дискуссий вокруг выставки стала тема ответственности солдат и офицеров за варварские способы ведения войны против мирного населения. Результатом дебатов стало то, что в общем, в большей его части, утвердилось осознание преступного характера войны против СССР. «Перед нами, – констатировал видный исследователь истории "третьего рейха" В. Ветте, – событие большой социальной значимости. Рухнули прежние табу. Легенды о "чистом" вермахте фактически больше не существует»⁸⁶.

Герой Ремарка, пройдя мучительный путь познания правды и пробуждения стыда за соучастие в преступлениях, ценой жизни заплатил за мятеж, за попытку вырваться из тисков нацистской системы. Была ли возможность выбора в условиях диктатуры? Только в наши дни в ФРГ пришло время изучения изолированных друг от друга и оставшихся неизвестными поступков рядовых, не входивших в какие-либо организации граждан "третьего рейха", нашедших в себе мужество противостоять варварству. В течение последнего десятилетия в Германии развернулись интенсивные исследования деяний "других немцев", сохранивших человечность и рисковавших жизнью ради спасения обреченных на смерть евреев Германии и оккупированных стран Европы. Можно поражаться благородству этих людей, действовавших так же, как отказавшийся выполнять приказ и заплативший за это жизнью герой Ремарка.

Призванный из запаса фельдфебель Антон Шмид, используя положение начальника склада военного имущества, опираясь на поддержку участников польского Сопротивления, освободил из еврейского гетто в Вильнюсе около трех сотен мужчин и женщин. Шмид был арестован, отказался направить прошение о помиловании и был расстрелян по приговору военного трибунала. Капитан Вилли Шульц, служивший интендантом оккупационных войск в Белоруссии, вывез с территории минского гетто 25 узников, стал дезертиром (что каралось в вермахте смертным приговором) и перешел в расположение партизанского отряда⁸⁷.

Отдавая должное бесстрашию тех немцев, которые противостояли организованному государством насилию, необходимо признать, что подавляющее большинство граждан рейха было опьянено идеей расового превосходства. Эти немцы участвовали в преступлениях против евреев (также, как и в преступлениях против советских пленных и советского гражданского населения). "Сопротивление спасателей" осталось островком гражданского мужества в море бесчеловечности.

В течение последнего десятилетия в ФРГ происходили дебаты, связанные с публикацией дневников ученого-филолога В. Клемперера⁸⁸, книги американского политолога Д. Голдхагена "Добровольные подручные Гитлера"⁸⁹, монографии историка Г. Али "Народное государство Гитлера"⁹⁰. Общая тематика дискуссий: вовлеченность рядовых немцев в злодеяния режима. Граждане ФРГ вновь оказались лицом к лицу с нежелательным и как будто давно решенным вопросом: о "коллективной вине" и "коллективной ответственности" за чудовищные деяния гитлеровцев.

Голдхаген обвиняет "самых обычных немцев" в преступном преследовании и массовом уничтожении евреев в годы фашистского режима и второй мировой войны. В центре внимания автора не нацистские фанатики типа Гейдриха или Эйхмана, но – сотни тысяч, миллионы законопослушных, ничем не примечательных немцев, которые стали охранниками в лагерях, полицейскими, солдатами вермахта... Что заставило их усердствовать в выполнении преступных приказов? Каким был механизм воздействия дикта-

⁸⁶ Badische Zeitung, 7.I.1999.

⁸⁷ См.: *Мадиевский С.А.* Другие немцы. Сопротивление спасателей в третьем рейхе. М., 2006.

⁸⁸ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933–1945, Bd. 1–2. Berlin, 1997. Сокращенный русский перевод: *Клемперер В.* Свидетельствовать до конца. Из дневников 1933–1945. М., 1998.

⁸⁹ *Goldhagen D.J.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996.

⁹⁰ *Aly G.* Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt a. M., 2005.

туры на простых людей, которые либо участвовали в злодеяниях, либо молча потакали палачам?

В 2005 г. увидела свет и сразу же стала объектом споров книга Али, в которой на основе многочисленных архивных и опубликованных документов показано, что массовая поддержка режима наличествовала вплоть до весны 1945 г. Почему? Держалась ли диктатура только на терроре и на страхе перед приходом войск противника, или также на общей материальной выгоде, на доле рядовых немцев в грабежах имущества евреев, в повальном разорении оккупированных вермахтом территорий Европы?⁹¹ Но это те же мучительные проблемы, над которыми размышляли Ремарк и его герои...

Несколько лет назад в прессе и по телевидению ФРГ развернулась дискуссия о союзнических бомбардировках германских городов. Поводом для дебатов стал выход книги Й. Фридриха, выдержавшей за короткое время несколько изданий⁹². Автор с большой выразительностью воспроизводит ужасы бомбовых налетов на немецкие города. Но его книга явилась на деле (независимо от намерений автора) попыткой отвести массовое сознание от постулатов национальной ответственности и национальной вины за развязывание Второй мировой войны и за преступные методы ее ведения. Выдающийся немецкий публицист Р. Джордано задает в связи с этим резонный вопрос: "Но разве все эти сцены не были повтором? Повтором того, что происходило на всем разрушенном немцами континенте, в особенности в Восточной Европе, в бесчисленных уничтоженных польских, белорусских, украинских и русских населенных пунктах – от Балтики до Кавказа"⁹³. Но именно эту мысль Ремарк и пытался до сознания немцев полстолетия назад. Его "русский роман" на несколько десятилетий опередил вектор эволюции общественного сознания ФРГ.

Современные дискуссии о нацистском прошлом – это, по существу, споры о перспективах современной Германии, споры о том, сохранятся ли в XXI в. в основе внутренней и внешней политики ФРГ принципы демократического, социального и правового государства. В объединенной Германии, несомненно, идет формирование контуров "нового самосознания", характер которого невозможно оценивать однозначно. С одной стороны, в общественном мнении утвердился антинацистский консенсус, но, с другой стороны, в ходе "обращения с прошлым" вновь проявляется стремление "нормализовать историю". "Шпигель", обычно безошибочно реагирующий на колебания вектора общественного мнения, так характеризовал нынешнюю ситуацию: "Пришло время, когда просто не годится дискутировать только о нацистском терроре, оставляя в стороне собственные беды"⁹⁴.

Все еще остается в силе предостережение Ремарка, высказанное в 1944 г.: "Время нацизма после войны можно будет считать законченным. Но не время национализма и милитаризма"⁹⁵.

Спустя два десятилетия после смерти знаменитого писателя город Оснабрюк учредил Премию мира имени Ремарка. Первым лауреатом премии стал в 1991 г. Л.З. Копелев, чья деятельность, как говорилось в решении жюри, полностью отвечает принципам мира и гуманизма – основным в творчестве Ремарка⁹⁶. Копелев говорил о непреходящем моральном воздействии романов Ремарка на Германию и Россию. Назвав свою благодарственную речь "Возвращение Ремарка", Копелев, выразил надежду на то, что нам предстоит новое прочтение его творчества⁹⁷.

⁹¹ См. об этом: *Мадиевский С.* Подкормленный нацизм, или Почему немцы так единодушно поддерживали Гитлера. – Новое время, 2006, № 36.

⁹² *Friedrich J.* Der Brand. Deutschland im Bombenkrieg. Berlin, 2002.

⁹³ *Giordano R.* "Ehe der zurückkehrende Bumerang den Werfer zerschmetterte...". – Praxis Geschichte, 2004, H. 4, S. 51, 52.

⁹⁴ *Noack H.-J.* Die Deutschen als Opfer. – Der Spiegel, 2002, № 13, S. 37.

⁹⁵ *Remarque E.M.* Ein militanter Pazifist, S. 72.

⁹⁶ <http://www.remarque.uos.de/kopelew.htm>

⁹⁷ *Kopelew L.* Laudationes. Göttingen, 1993, S. 103–109.